

Т.Г. ПрохороваГимназия № 122 имени Ж.А. Зайцевой,
420039 г. Казань, Российская Федерация

Первые шаги интертекстуального анализа (из опыта подготовки к Всероссийской олимпиаде школьников по литературе)

Аннотация. Цель данной работы – формирование первых навыков интертекстуального анализа, необходимых для более глубокого проникновения в суть авторского замысла произведений современной прозы, а также для расширения культурного кругозора школьников. Апробация методических приемов осуществлялась в ходе тренингов по подготовке к муниципальному, региональному и заключительному турам Всероссийской олимпиады. Методы анализа: сравнительно-типологический, контекстуальный и интертекстуальный. В статье представлены этапы предварительной теоретической подготовки школьников к интертекстуальному анализу; предлагаются задания и вопросы, позволяющие применить теоретические знания на практике в процессе анализа рассказа С. Махотина «Шестиклассник Серафим». Выявлены основные функции «чужого слова» в развитии сюжета, построении композиции и системы образов произведения современного писателя. Изучение диалогических связей рассказа С. Махотина «Шестиклассник Серафим» со стихотворением А.С. Пушкина «Пророк», а также выявление сказочных реминисценций в анализируемом произведении способствует более глубокой интерпретации сюжета, образов персонажей и самой его идеи. Интертекстуальный анализ дает возможность учителю показать, что рассказ современного детского писателя гораздо шире школьной тематики, вопросов, связанных с буллингом, взаимоотношениями в классе. Отношение к пушкинскому шедевру становится в произведении С. Махотина главным критерием оценки героев, двигателем в развитии нравственно-психологического сюжета, основой композиционного построения. Интертекстуальные связи со стихотворением «Пророк» и с пушкинскими сказками позволили современному автору проследить воздействие поэтического слова на душу подростка, осуществить художественное исследование этапов его духовного взросления.

Ключевые слова: диалогические связи литературных произведений, интертекстуальность, «чужое слово», цитата, аллюзия, реминисценция, А.С. Пушкин, современная проза, С. Махотин

© Прохорова Т.Г., 2023

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Прохорова Т.Г. Первые шаги интертекстуального анализа (из опыта подготовки к Всероссийской олимпиаде школьников по литературе) // Литература в школе. 2023. № 5. С. 96–105. DOI: 10.31862/0130-3414-2023-5-96-105

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-5-96-105

T.G. Prokhorova

Gymnasium No. 122 named after Zh.A. Zaitseva,
Kazan, 420039, Russian Federation

The first steps in intertextual analysis (case study of preparing schoolchildren for the All-Russian Olympiad in Literature)

Abstract. The purpose of this work is to form the primary skills of intertextual analysis necessary for a deeper insight into the essence of the author's idea in modern prose, as well as to expand the cultural horizons of schoolchildren. The testing of methodological techniques was carried out during the trainings on preparation for the municipal, regional and final rounds of the All-Russian Olympiad. Methods of the analysis: comparative-typological, contextual and intertextual. The article presents the stages of preliminary theoretical preparation of schoolchildren for intertextual analysis; it offers tasks and questions that allow applying theoretical knowledge in practice in the process of analyzing S. Makhotin's story "Seraphim, the Sixth Grader". The analysis reveals the main functions of the "someone else's word" in the development of the plot, the construction of the composition and the system of images of the work of the modern writer. The study of dialogical connections of Sergei Makhotin's story "Seraphim, the Sixth Grader" with A.S. Pushkin's poem "The Prophet", as well as the identification of fabulous reminiscences in the analyzed work, contributes to a deeper interpretation of the plot, the images of the characters and his idea itself. The intertextual analysis allows the teacher to show that the story of a modern children's writer is much broader than school topics, issues related to bullying, and relationships in the classroom. The attitude to Pushkin's masterpiece in the work of S. Makhotin's becomes the main criterion for evaluating the heroes, the engine in the development of the moral and psychological plot, the basis of the compositional construction. Intertextual connections with the poem "The Prophet" and with Pushkin's fairy tales allowed the modern author to trace the impact of the poetic word on the soul of a teenager, to carry out an artistic study of the stages of his spiritual maturation.

Key words: interlocutory links of literary works, intertextuality, "someone else's word", quotation, allusion, reminiscence, A.S. Pushkin, modern prose, S. Makhotin

CITATION: Prokhorova T.G. The first steps in intertextual analysis (case study of preparing schoolchildren for the All-Russian Olympiad in Literature). *Literature at School*. 2023. No. 5. Pp. 96–105. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2023-5-96-105

Одна из важных задач Всероссийской олимпиады школьников по литературе, – пробуждение интереса к научно-исследовательской деятельности. Эта установка предполагает и овладение новыми навыками анализа произведений, которым в школе не уделяется достаточно внимания. Учитель может отрабатывать их в основном на факультативных занятиях.

Характерной особенностью целого ряда художественных текстов (современных – тем более) является присутствие в них скрытых и явных цитат, отсылок к другим произведениям. Важно, чтобы школьники понимали, что литературное произведение существует в обширном культурном пространстве, а потому может обнаруживать диалогические связи как с теми творениями, которые уже существовали до его появления, так и с текстами-современниками. Цель данной статьи – помощь в формировании у школьников начальных навыков интертекстуального анализа, опыт которого уже описан в методической литературе [См.: 7].

Приступая к работе, разумеется, следует овладеть необходимыми теоретическими знаниями и нужным инструментарием. При этом учащиеся должны не просто запомнить какие-то новые термины, но понимать, зачем и почему они им необходимы. Начнем с поиска ответа на вопрос: что может служить, помимо импульсов, полученных писателем из окружающей действительности, толчком

к созданию произведения? В виде подсказки учитель может напомнить, что автор – человек культуры, много читающий, обладающий широким (культурным) кругозором. Наверняка будет дан ответ, что писатель существует в мире книг, которые тоже подсказывают ему темы, идеи, сюжеты. Задача учителя – подхватить и развить эту мысль.

Можно предложить школьникам привести примеры, когда в литературных произведениях переосмысливается какой-либо сюжет, являющийся новой вариацией уже известного. Возможно, девятиклассники вспомнят, как В.А. Жуковский, создавая вольные переводы баллады немецкого романтика Г.А. Бюргера «Ленора», переосмыслил в своих «Светлане» и «Людмиле» сюжет встречи девушки с мертвым женихом. Школьникам старших классов известны примеры, когда писатель в своем творении продолжает полемику с другими авторами – предшественниками и современниками. Учитель может напомнить им о диалоге с романтизмом и с «шишковистами» в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина. Ученики десятых и одиннадцатых классов, возможно, знают о том, что роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» содержит полемику с романом Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Немало примеров диалогических связей и в литературе XX в.

Эта «разминка» позволит учителю перейти к следующему вопросу: как обнаруживает себя такой диалог?

Возможно, школьники сами скажут, что связь между текстами часто проявляется через упоминание имен писателей или известных героев, через включение в произведение «чужого слова» в виде прямых или завуалированных цитат, вечных образов, заимствованных сюжетов, характерных узнаваемых деталей, через сознательную имитацию стиля какого-либо автора или даже целого литературного направления. Поскольку многое из перечисленного выше мы встречаем в пушкинском «Евгении Онегине», учитель может давать подсказки ученикам с помощью соответствующих цитат.

Чтобы направить мысль школьников в нужное русло, можно также напомнить им произведения (или предложить, чтобы ученики сами их вспомнили), где уже заглавия содержат установку на диалог с другими текстами: «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лескова, «Степной король Лир» И.С. Тургенева и т.п. Особенно много подобных примеров в литературе XX–XXI вв. Это и стихи поэтов Серебряного века, отсылающие к античности, к библейским, евангельским сюжетам («Клеопатра» А.А. Блока; «Психея», «Орфей», «Сивилла» М.И. Цветаевой; «Иов» Вяч. Иванова; «Лотова жена» А.А. Ахматовой; «Гефсиманский сад» Б.Л. Пастернака и т.п.), к шекспировским трагедиям, особенно часто к «Гамлету» («Песня Офелии», «Я – Гамлет. Холодеет кровь...» А.А. Блока; «Читая Гамлета» А.А. Ахматовой, «Гамлет» Б.Л. Пастернака и др.); это и произведения более позднего времени, в том числе созданные на рубеже XX–XXI вв. («Ночевала тучка золотая» А. Приставкина; «Андеграунд, или Герой нашего времени» В. Маканина;

«Новые Робинзоны», «Новые приключения Елены Прекрасной», «Девушка Нос» Л. Петрушевской; «Затонувший ковчег» А. Варламова и др.).

От примеров, побуждающих школьников к размышлению на заданную тему, переходим к теории. Можно оформить этот материал в виде презентации, показать соответствующие слайды, сопроводив их кратким комментарием. Прежде всего, необходимо прояснить связь между двумя ключевыми терминами, которыми мы будем пользоваться в дальнейшем: «диалог» и «интертекстуальность». Первый принадлежит философу и литературоведу М.М. Бахтину¹. Вторым термин был введен в научный оборот в 1967 г. французской писательницей, философом и исследовательницей литературы Ю. Кристевой, переосмыслившей идею М.М. Бахтина, сформулированную им в работе «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924), где он пишет о том, что, помимо данной художнику действительности, он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой находится в постоянном «диалоге». По словам И.П. Ильина,

¹ М.М. Бахтин в своих трудах предельно расширил понятие «диалог». В его книге «Проблемы поэтики Достоевского» мы встречаем такую фразу: «...быть – значит общаться диалогически» [1, с. 338]. Участниками диалога являются «я», «другой», а также незримо присутствующий «третий», т.е. «слушатель–читатель». Исследователь С.М. Богуславская выделяет следующие характеристики участников диалога с точки зрения М.М. Бахтина: во-первых, «уникальность, неповторимость личностных позиций, их обусловленность конкретным социокультурным контекстом»; во-вторых, «это отсутствие границ у культурных явлений»; в-третьих, «в отношении культур... это позиция неустанного интереса, вопрошания друг друга» [2, с. 18].

Ю. Кристева ограничила бахтинскую идею диалога сферой литературы, диалогом между текстами, т.е. интертекстуальностью [4, с. 307].

Следует подчеркнуть, что само по себе явление диалога между текстами возникло очень давно, о чем свидетельствуют, в частности, «Божественная комедия» Данте Алигьери, трагедии и комедии У. Шекспира, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина и многие другие произведения, написанные в разное время и насыщенные различного рода диалогическими отсылками. Но то, что теоретическое осмысление этого явления началось именно в XX в., вполне закономерно, поскольку именно в искусстве модернизма и постмодернизма происходит активизация интертекстуальных связей, диалогичность (в том числе и пародийная) становится одним из принципов построения текста. Однако отсюда вовсе не следует, что любое произведение, в котором обнаруживаются подобные связи, автоматически надо причислять к модернизму или постмодернизму. Это могут быть тексты различной эстетической природы.

К этому следует добавить, что авторский текст может включать в себя реакцию не только на литературные, но и на религиозные, философские, живописные, музыкальные и другие произведения искусства. Возможно, школьники вспомнят, какую роль играет библейская притча о блудном сыне в пушкинском «Станционном смотрителе» или притча о воскрешении Лазаря в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», как выражены диалогические связи со сказкой и с музыкальными творениями в рассказах К.Г. Паустовского «Корзи-

на с еловыми шишками» и «Старый повар», или приведут какие-либо другие примеры.

Важно подчеркнуть, что читатель является непременно участником диалога, ведь если он не способен узнать «чужое слово», авторский текст не откроет ему свои скрытые смыслы, его замысел останется непонятым. Но, обнаружив заимствование, читателю необходимо идти дальше, искать ответы на новые вопросы: для чего автор включил в свой текст ту или иную цитату? Какую нагрузку она несет, как обогащает авторский текст, какие смыслы привносит в него? Обратимся к образному выражению О.Э. Мандельштама: «Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна. Вцепившись в воздух, она его не отпускает» [5, с. 113]. При этом термин «цитата» (от лат. *cito* – привожу) следует понимать не только в прямом значении – как точное воспроизведение какого-либо фрагмента чужого текста, но и в широком смысле – как любое проявление «чужого слова», включенного в авторский («свой») текст. В этой связи необходимо ввести в наш теоретический арсенал еще два термина – «аллюзия» и «реминисценция». Оба предполагают отсылки к «чужому» тексту, которые чуткий читатель должен уловить, чтобы стать полноправным участником диалога с автором. Аллюзия (от лат. *allusion* – намек, шутка) – это отсылка к известному высказыванию, факту литературной, исторической, политической жизни либо к художественному произведению [4, с. 28], а реминисценция (лат. *reminiscentia* – воспоминание) – неявная отсылка, напоминание о другом художественном произведении, факте культурной жизни [Там же, с. 870].

А теперь попробуем применить теорию на практике. В 2022 г. в Татарстане на школьном туре Всероссийской олимпиады по литературе ученикам девятого класса был предложен рассказ известного детского писателя Сергея Махотина «Шестиклассник Серафим» [6], предполагающий применение некоторых навыков интертекстуального анализа.

Заглавие произведения не просто указывает на его главного героя – шестиклассника Серафима, но содержит искаженную цитату из пушкинского стихотворения «Пророк». Исходная сюжетная ситуация, которую можно рассматривать как экспозицию, подтверждает это и, казалось бы, настраивает читателя на комический лад:

«Неизвестно, о чем мечтала Таня Косарева, когда ее вызвали к доске читать наизусть Пушкина. Она, будто очнувшись, тряхнула головой и начала мягким певучим голосом:

Духовной жаждою томим
В пустыне мрачной я влачился, –
И шестиклассник Серафим
На перепутье мне явился...

Девятый класс захохотал. Молодая учительница не выдержала и засмеялась тоже» [Там же].

В данном случае мы встречаем весьма распространенный прием комического – нелепую оговорку, вызвавшую всеобщий веселый смех. Но дальнейшее развитие сюжета идет уже в другом, отнюдь не комическом русле. В связи с этим следует обратить внимание на то, как изменяется характер смеха. Он становится злым, издевательским. Узнав, что «в шестых классах и правда есть Серафим», девятиклассники разыскали мальчика

на перемене, окружили его и, беспрестанно хохоча, стали выкрикивать: «Шестиклассник Серафим!» Одноклассникам Серафима Перецына понравилась эта забава. Так неожиданно возникло странное прозвище, которое тут же прилипло к несчастному школьнику. Насмешки над Серафимом превратили его в изгоя: «Впервые в жизни Перецын ощутил одиночество» [Там же].

Казалось бы, тема произведения проявилась. Многие участники олимпиады в своем анализе основное внимание сосредоточили именно на взаимоотношениях Серафима с классом, на теме травли. Они не заметили установки на диалог с пушкинским произведением, которая, пусть и в комической форме, все же задана самим заглавием, и ее нельзя не учитывать. Ключевой вопрос, который должен определить основное направление анализа, заключается, прежде всего, в выяснении роли стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» в произведении современного писателя. Учитель может предложить ученикам рассмотреть с этой точки зрения особенности композиции, системы образов, характер развития сюжета, конфликта. Легко убедиться в том, что все основные события, определяющие экспозицию, завязку, развитие действия, кульминацию и развязку, так или иначе связаны с различиями в восприятии этого пушкинского стихотворения героями рассказа. По сути, «Пророк» выполняет здесь сюжетобразующую функцию.

Для того, чтобы понять, что привносит в произведение С. Махотина «чужой текст», необходимо, прежде всего, внимательно прочитать пушкинского «Пророка», подумать над его проблематикой и способами

ее воплощения. Разумеется, необходимо прояснить значение всех архаичных слов, понимать, почему они использованы в этом стихотворении, как его лексика связана с сюжетом перевоплощения человека, томимого «духовной жадой», в поэта-пророка. Задумаемся над вопросом: почему Пушкин изображает этот процесс как мучительную операцию, осуществленную шестикрылым серафимом и связанную с изменением всех органов чувств человека – его зрения, слуха, обоняния и осязания? Учителю необходимо подвести школьников к пониманию того, что рождается личность, способная воспринимать мир совершенно иначе, чем обычный человек. Этот дар дается не просто. Возможно, стоит напомнить знаменитые лермонтовские строки «Что без страданий жизнь поэта?» [3, с. 263] или цитату из стихотворения М.И. Цветаевой: «Птица Феникс я, только в огне пою!» [8, с. 425], в которых подчеркивается, какую цену поэт платит за Слово.

В стихотворении А.С. Пушкина «Пророк» воплощается романтическая версия образа поэта, подчеркивается его исключительность. Высокая книжная лексика, архаичные слова, церковнославянизмы способствуют выражению высокого смысла происходящего. Божий глас, обращенный к пророку, определяет его предназначение. Отныне он не принадлежит самому себе, а исполняет Божью волю. Его миссия – «глаголом жечь сердца людей», воспламенять их сердца.

Однако нам нужно не просто подумать над пушкинским стихотворением, осмыслить его тему, идею, но, прежде всего, выяснить роль диалогических связей с ним в произведении

нашего современника Сергея Махотина. Важно обратить внимание школьников на ключевой мотив внутреннего преобразования человека и на тему Слова, которые звучат в анализируемом рассказе. Следует заметить, что в произведении Махотина «Шестиклассник Серафим» выстраивается особый «пушкинский» сюжет, имеющий свою завязку, развитие действия, кульминацию, развязку. Он постепенно отесняет на второй план сюжетную линию, связанную с взаимоотношениями Серафима с классом, с темой так называемого буллинга. Главная проблема, на которой необходимо сосредоточиться в ходе анализа: как воздействует на читателя пушкинское слово?

Следует обратить внимание на то, как по-разному воспринимают Серафим Перецын и виновница происшествия – Таня Косарева стихотворение А.С. Пушкина «Пророк». На этом фактически и строится психологический сюжет произведения. Учитель может предложить школьникам убедиться в этом.

Начнем с вопроса: почему оказалась возможна нелепая оговорка Тани? Совершенно очевидно, что для девятиклассницы чтение пушкинского «Пророка» – всего лишь повод заработать очередную оценку, она абсолютно равнодушна к его содержанию, а потому произносит слова автоматически, бездумно.

Завязкой «пушкинского» сюжета является случайная встреча Тани с Серафимом на перемене. Характерен совет, который она дает шестикласснику относительно «Пророка»: «Прочитай, развеселишься» [6]. Эта реплика вызвала у Серафима интерес. Но его восприятие пушкинского стихотворения было совершенно иным.

Оно «поразило» мальчика: «...строчки вспыхивали, как ожившие вулканы, непонятные и страшные» [6]. Учителю стоит предложить ученикам оценить эмоциональную силу этих сравнений, задуматься над тем, как они характеризуют героя. Хотя шестиклассник многое не понимал, стихотворение казалось ему странным, оно «волновало, беспокоило», вызывало множество вопросов.

Каковы же были последствия знакомства Серафима со стихотворением Пушкина? Вероятно, ученики отметят, что «Пророк» постепенно излечил главного героя от одиночества, как-то сами собой пришли успехи в школе («двойки он исправил, на географической олимпиаде заработал грамоту», получил досрочно годовую пятерку по этому предмету). Впрочем, все это «...не слишком обрадовало. Иная радость согревала его душу» [Там же].

Что же это за «иная радость», отодвинувшая все школьные заботы и успехи на второй план? Как можно ее объяснить? В тексте нет прямого ответа на этот вопрос, есть лишь простая констатация: «“Пророка” он давно знал наизусть. Знал, что означают вышедшие из употребления слова: виждь, внемли, десница» [Там же]. Есть и важное замечание, свидетельствующее о том, что благодаря Пушкину Перецын полюбил свое имя Серафим, доставившее ему столько неприятностей. И вновь возникает вопрос: почему? Ученикам необходимо разобраться в том, что же произошло с шестиклассником, что подразумевает эта переполняющая его душу «иная радость», как она связана с пушкинским «Пророком». Очевидно, произошло то самое чудо, которое заложено в этом стихотворе-

нии: божественный «глагол» воспламенил сердце Серафима, пробудил в нем чувство прекрасного. Развитие «пушкинского» сюжета в рассказе Сергея Махотина связано с воздействием Слова на душу юного читателя. Оно способствовало его духовному росту, научило различать истинные и мнимые ценности.

Кульминационным моментом в произведении является сюжетная ситуация, когда Серафим Перецын спасает Таню. Увидев, как брошенный рабочими огромный деревянный барабан, набирая скорость, катится по школьному двору, как он несется прямо к турнику, где ничего не подозревающая старшеклассница сидела, закрыв глаза и подставив лицо весеннему солнцу, Серафим крикнул: «Беги!». Он «бросился к ней через поребрик и ухнул с головой в ледяную воду...» [Там же]. В результате такого «купания» мальчик заболел воспалением легких. Произошедшее можно воспринять как своеобразную инициацию героя. В связи с этим можно говорить и о сказочных реминисценциях в рассказе Махотина. Напомним, что подобные ситуации часто встречаются в волшебных сказках и свидетельствуют о начале новой жизни, к которой ведут испытания, преодоление различных препятствий и даже самой смерти. Пушкин, как мы знаем, тоже обыгрывал в своих произведениях обряд инициации. Достаточно вспомнить, к примеру, его «Руслана и Людмилу», «Сказку о мертвой царевне...», «Сказку о царе Салтане...».

В рассказе С. Махотина эпизод встречи главного героя с Таней Косаревой, которая пришла навеситить больного и поблагодарить его за спасение, ее слова «Ты теперь мой

друг, мне тебя Бог послал» позволяют увидеть, как тесно переплетены в сюжете две основные линии: одна – связанная со взаимоотношениями Серафима со школьниками, другая – с пушкинским «Пророком». И та и другая разрешаются преодолением одиночества, обозначают новый этап становления личности. В эпизоде, когда красавица Таня наклонилась и поцеловала Серафима в горячий лоб, можно также обнаружить сказочную реминисценцию, с той лишь поправкой, что в роли «мертвой царевны», пробуждающейся к новой жизни, здесь выступает главный герой. В итоге жизнь торжествует над смертью. Об этом говорит и микросюжет сна, который видит Серафим Перецын во время болезни. Его диалог с ангелом из пушкинского «Пророка» полон иносказаний. В ответ на вопрос, будут ли у него такие же крылья, ведь он тоже Серафим, мальчик слышит ответ: «Будут, но не скоро. Не торопи время свое». И далее звучат слова: «Живи, мальчик» [6]. Вслед за этим кризис миновал, и Серафим пошел на поправку. Так завершается «пушкинский» сюжет, связанный с проблемой духовного преображения, взросления, который и определяет главное

содержание рассказа Сергея Махотина.

Заключительный абзац текста вновь возвращает нас к повседневному реалиям жизни главного героя: «Перецына перевели в седьмой класс вместе со всеми», за лето он все наверстал. «А когда наступил сентябрь, Серафима уже не дразнили. Потому что прозвище “семиклассник Серафим” даже Юрке Бурлакину казалось лишенным всякого смысла и юмора» [Там же]. Такой финал можно рассматривать как счастливую развязку «школьного» сюжета о взаимоотношениях в классе.

Если в заключение вновь задать ученикам вопрос, о чем повествует рассказ Сергея Махотина «Шестиклассник Серафим», хочется верить, что они уже не сочтут тему буллинга главной в нем. Анализ диалогических связей со стихотворением А.С. Пушкина «Пророк», выявление роли сказочных реминисценций позволит юным читателям понять, что это произведение современного детского писателя гораздо шире школьной тематики, что именно благодаря «пушкинскому» сюжету оно обретает смысловой объем, наполняется серьезным нравственным и философским содержанием.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
2. Богуславская С.М. Диалог в трудах М.М. Бахтина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 7 (126). С. 17–23.
3. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М., 1983.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М., 2003.
5. Мандельштам О.Э. Слово и культура. М., 1967.
6. Махотин С. Шестиклассник Серафим. URL: history.deti-knigi.com/index.php?option=com_k2&view=item&id=726 (дата обращения: 29.06.2023).
7. Самсонова Н.В. Феномен интертекстуальности в литературном образовании // Литература в школе. 2020. № 1. С. 79–88.
8. Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. М., 1994.

References

1. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoyevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, 1963.
2. Boguslavskaya S.M. Dialogue in the works of M.M. Bakhtin. *Vestnik of the Orenburg State University*. 2011. No. 7 (126). Pp. 17–23. (In Rus.)
3. Lermontov M.Yu. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collection of works in 4 vols.]. Vol. 1. Moscow, 1983.
4. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy [Literary encyclopedia of terms and concepts]. A.N. Nikolyukin (ed.). Moscow, 2003.
5. Mandelshtam O.E. Slovo i kultura [Word and culture]. Moscow, 1967.
6. Makhotin S. Shestiklassnik Serafim [Sixth grader Seraphim]. URL: history.deti-knigi.com/index.php?option=com_k2&view=item&id=726
7. Samsonova N.V. The phenomenon of intertextuality in literary education. *Literature at School*. 2020. No. 1. Pp. 79–88. (In Rus.)
8. Tsvetaeva M.I. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collection of works in 7 vols.]. Vol. 1. Moscow, 1994.

Статья поступила в редакцию 20.07.2023, принята к публикации 31.08.2023
The article was received on 20.07.2023, accepted for publication 31.08.2023

Сведения об авторе / About the author

Прохорова Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор; преподаватель литературы, гимназия № 122 имени Ж.А. Зайцевой, г. Казань

Tatiana G. Prokhorova – ScD in Philology, Professor; Teacher of literature, gymnasium No. 122 named after Zh.A. Zaitseva, Kazan

E-mail: tatprohorova@yandex.ru